

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ВЕРХНЕДНЕПРОВСКИХ ГОРОДИЩ И ЗАРУБИНЕЦКАЯ КУЛЬТУРА

1

В начале XX в. известным русским археологом А. А. Спицыным впервые были обобщены сведения об археологических памятниках, характеризующих культуру дославянского (предславянского) населения Волго-Окского междуречья и Верхнего Поднепровья. Это были небольшие городища, расположенные по берегам рек на труднодоступных местах и укрепленные валами и рвами. По имени городища около с. Дьякова под Москвой, исследованного Ю. Д. Филимоновым и В. И. Сизовым, А. А. Спицын предложил называть эти городища дьяковскими или же городищами дьякова типа¹. «Область распространения дьяковских городищ — писал А. А. Спицын, — охватывает Волго-Окское междуречье, верховья Волги, бассейн Мсты и верховья Днепра и, быть может, поречье Западной Двины. Есть надежда, что не мало городищ этого типа окажется также на Десне и по Сожу»².

Время дьяковских городищ А. А. Спицын первоначально определил VI—VIII вв. н. э., впоследствии выяснилось, что это было грубой ошибкой. Городища Волго-Окского междуречья были отнесены им к памятникам финно-угорской культуры; более западные А. А. Спицын предположительно связал с балтийскими племенами. В статье «Новые сведения о городищах дьякова типа» А. А. Спицын наметил три локальные группы городищ — смоленско-тверскую (как он полагал, самую позднюю), верхнеокскую и, наконец, владимирско-московскую — и указал, что в действительности локальных групп древних городищ было, вероятно, гораздо больше, но что они выявятся лишь в результате дальнейших исследований.

В течение последующих 50 лет древние городища Волго-Окского междуречья и Верхнего Поднепровья не раз служили предметом археологических исследований, в ходе которых были собраны значительные материалы. Они подтвердили мысль А. А. Спицына о том, что древние городища этого типа в своей массе являются памятниками местного предславянского населения. В то же время новые материалы позволили пересмотреть ошибочную хронологию городищ, данную А. А. Спицыным, и предоставили в распоряжение науки обширные сведения по вопросу о локальных группах этих памятников. Оказалось, что под именем городищ дьякова типа А. А. Спицыным были объединены археологические памятники, относящиеся к разным культурам и длительному отрезку времени. В настоящее время дьяковскими называют древние городища лишь Волго-Окского междуречья и области Валдайской возвышенности,

¹ А. А. Спицын. Городища дьякова типа. ЗОРСА, т. V, вып. I, СПб., 1903, стр. 111—142.

² А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, вып. I, СПб., 1905, стр. 83—93.

нижние слои которых характеризуются так называемой «сетчатой» («текстильной»), керамикой. Городища других смежных областей получили свои особые наименования.

В рамках краткой статьи нет никакой возможности обрисовать историю изучения древних городищ Волго-Окского междуречья и бассейна Верхнего Днепра за 50 лет, отделяющих нас от первых обобщающих работ А. А. Спицына, посвященных городищам дьякова типа. Укажем лишь, что городища среднего течения Оки известны главным образом по работам В. А. Городцова, осуществившего на рубеже и в начале нашего века обследование многих десятков городищ и раскопки таких известных памятников второй половины I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э., как Городецкое, Троице-Пеленицкое, Старшее Каширское и Огубское городища. В среднем и нижнем течении Оки и южнее в области Западного Поволжья в пределах лесной полосы В. А. Городцовым была выявлена особая локальная группа городищ, названная городецкой, время которой он определил как III в. до н. э.— III в. н. э.³ В 20-х — начале 30-х годов на Смоленщине и в Белоруссии широкое обследование древних городищ было предпринято под руководством А. Н. Лявданского, к сожалению почти не производившего раскопок и благодаря этому оставившего об обследованных им памятниках не вполне точные сведения. Наиболее существенным наблюдением А. Н. Лявданского следует признать выделение в области Верхнего Поднепровья двух культур древних городищ: западной, простирающейся от Верхнего Днепра до поречья Немана и Вилии и характеризующейся так называемой штрихованной керамикой, и смоленской культуры городищ с гладкой керамикой⁴. В 20-х—30-х годах О. Н. Бадером, автором этих строк, и другими исследователями было осуществлено изучение ряда дьяковских городищ в Верхнем Поволжье и на Москве-реке. Во время этих работ были исследованы Пекуновское, Ивановское, Березняковское, Грехорученское, Барвихинское и другие городища второй половины I тысячелетия н. э. и первой половины I тысячелетия н. э.⁵ Тогда же М. В. Воеводским было предпринято изучение городищ в среднем и нижнем течении р. Десны, что привело к открытию своеобразной так называемой юхновской культуры второй половины I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры⁶.

Первая попытка составить общую карту локальных групп древних городищ Верхнего Поднепровья и его периферии была предпринята автором этих строк в 1940—1941 гг. В области Верхнего Поднепровья были намечены четыре локальные группы: первая, юго-западная — по Припяти; вторая, юхновская — по Десне; третья — в области поречья Верхнего Днепра и четвертая, представленная городищами со штрихованной керамикой, — в области правобережья Верхнего Днепра. Была сделана попытка разделить на локальные группы также и волго-окские

³ В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности, т. XVII, М., 1900; его же. Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г. Древности, т. XVIII, М., 1901; его же. Результаты археологических исследований 1898 г. Археологические известия и заметки, т. VII, СПб., 1899; его же. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934; его же. Болотное Огубское городище. Тр. ГИМ, т. I, 1926; его же. Результаты исследований Троице-Пеленицкого городища — Холмища. Рязань, 1930.

⁴ А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губ. Тр. Смоленских гос. музеев, вып. I, Смоленск, 1924; его же. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научные известия Смоленского гос. университета, т. III, вып. 3, Смоленск, 1926; его же. Археологические доследы у вадазборах р.р. Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губэрні. Працы, т. II, Менск, 1930.

⁵ О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941; его же. Древнейшее городище Верхнего Поволжья. СА, 1947, IX.

⁶ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949.

памятники. Время городищ было определено как середина и вторая половина I тысячелетия до н. э. и первые века нашей эры⁷.

Как выяснилось в ходе дальнейших исследований, намеченные выше локальные группы городищ Верхнего Поднепровья были определены в целом правильно, но их ареалы потребовали значительных уточнений. Ошибочным было отнесение верхнеокских городищ к числу дьяковских, тогда как в действительности по своей культуре они примыкают к верхнеднепровским городищам. Но самое главное (что не получило отражения в работах автора, относящихся к 1940—1941 гг.) выявилась необходимость разделения культуры всех четырех локальных групп верхнеднепровских городищ (так же, как и волго-окских городищ) на два этапа, хронологическая граница между которыми для разных групп была неодинаковой. Все это стало проясняться главным образом в ходе работ Славянской (Верхнеднепровской) археологической экспедиции ИИМК, начавшей свои исследования в 1951 г., а также в результате работ других исследователей, изучавших за последние годы археологические памятники Верхнего Поднепровья.

Одним из главных результатов работ Славянской экспедиции было получение большего материала для характеристики культуры и определения ареала юго-западной группы городищ, получивших наименование милоградских по названию городища у дер. Милоград на правом берегу Днепра, выше г. Речицы. Еще более важным итогом работ этой экспедиции были многочисленные новые данные о зарубинецкой культуре, позволившие установить, что эта культура была распространена не только в Среднем Поднепровье, как это считалось до недавнего прошлого, но и почти по всему Верхнему Поднепровью. При этом выяснилось, что она сыграла решающую роль в развитии культуры на широких пространствах. Именно зарубинецкая культура и ее влияние характеризуют второй этап в развитии культуры древних обитателей как верхнеднепровских городищ, так и городищ ряда смежных территорий. Значительный новый материал был получен за последние годы также и для характеристики юхновской культуры. Большие работы по изучению культуры городищ со штрихованной керамикой были осуществлены на территории Белоруссии А. Г. Митрофановым. Все это вместе взятое позволяет в настоящее время значительно уточнить территориальную и хронологическую классификацию древних городищ Верхнего Поднепровья и его периферии.

2

К северу от границ лесостепных племен со «скифообразной» культурой в середине и второй половине I тысячелетия до н. э. лежали области двух обширных племенных групп, оставивших городища милоградской культуры на Припяти и Днестре и городища юхновской культуры на Нижней и Средней Десне

Группа городищ и поселений, принадлежащих к милоградской культуре, как теперь выяснилось, занимает не только среднюю и нижнюю часть бассейна Припяти, но и поречье Днестра примерно на участке устье Березины — г. Киев, а также среднее и нижнее течения Сожа с его многочисленными притоками. Южные границы милоградской культуры проходят по киевскому полесью. Здесь памятники этой культуры изучались В. Н. Даниленко, обратившим внимание на собранную на дюнах около с. Подгорцы небольшую коллекцию бронзовых предметов, относящихся к скифскому времени, но не имеющих со скифскими веща-

⁷ П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КСИИМК, вып. V, 1940; его же. Северные восточно-славянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 13.

ми почти ничего общего. В. Н. Даниленко предложил называть эту культуру подгорцевской⁸. Подгорцевские памятники — это преимущественно поселения на дюнах. В их керамическом материале имеются некоторые следы влияния более южных «скифообразных» культур.

В начале 50-х годов Славянской археологической экспедицией были обследованы и раскопаны несколько городищ на Днестре между устьем Березины и устьем Припяти. Здесь эта культура оказалась представленной, так сказать, в наиболее «чистом» виде, что и явилось причиной появления ее нового наименования. Кроме раскопок на городище у дер. Милоград, были проведены раскопки на городищах у сс. Чаплин (нижний слой), Мохов, Глыбов, у дер. Колочин, дер. Асаревичи и др. Наиболее значительные раскопки были осуществлены О. Н. Мельниковской на городище у дер. Горошков, на правом берегу Днестра, около г. Речицы⁹.

Материальная культура милоградских племен, известная пока что лишь по предварительным публикациям, является очень характерной и самобытной¹⁰. Совсем необычная для этой эпохи круглодонная керамика, своеобразные бронзовые украшения (в частности, близко напоминающие гальштатско-латенские), примитивная глиняная скульптура — фигурки, связанные, вероятно, с культом, сравнительно легкие по конструкции столбовые жилища, несколько углубленные в землю, какие-то совсем оригинальные погребальные сооружения и другие особенности сразу же позволяют отличать эту культуру от культуры населения всех других областей лесной полосы Поднепровья. По образу жизни население милоградских городищ в основном не отличалось от обитателей других районов лесного Поднепровья в период раннего железного века. Оно занималось земледелием и скотоводством, а также древними промыслами — охотой и рыболовством. Наиболее ранние из известных ныне городищ милоградской культуры на основании скифских и гальштатско-латенских параллелей относятся к VI—V, а может быть, и к VII—VI вв. до н. э. Наиболее поздние милоградские памятники датируются последними веками до нашей эры на основании сарматских и среднелатенских аналогий. В это время милоградская культура на всей территории своего распространения сменяется зарубинецкой.

Вопрос о происхождении зарубинецкой культуры является в настоящее время дискуссионным. По мнению А. И. Тереножкина и ряда других исследователей, предком носителей этой культуры было население лесостепных пространств днестро-днепровского междуречья, оставившее белогрудовскую и сменившую ее чернолесскую культуру, а во второй четверти I тысячелетия до н. э. попавшее под сильное влияние скифской культуры¹¹. Мнение А. И. Тереножкина оспаривает Ю. В. Кухаренко, открывший в Западном Полесье позднелужицкие и «подклёшевые» могильники, принадлежавшие, по его мнению, предкам зарубинецких племен¹². Спор этот будет решен, по-видимому, лишь в ходе новых исследований. Для нас важно лишь то, что для территории Верхнего Поднепровья зарубинецкая культура была пришлой. Попытка В. Н. Даниленко связать подгорцевскую культуру с предками носителей зарубинецкой

⁸ В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 197—208.

⁹ О. М. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИМК, вып. 70, 1957.

¹⁰ О. Н. Мельниковская. Ук. соч.; е е же. Клад браслетов с городища в д. Горошков. ВДИ, 1956, № 1; К. М. Поликарпович. Археологические исследования в БССР в 1945—1953. гг. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957, стр. 18—21.

¹¹ А. И. Тереножкин. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, XXIV, 1955; е го же. Предскифский период в днепровском лесостепном Правобережье. (Автореферат докторской диссертации.) М., 1958.

¹² См. в настоящем номере статью Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.

культуры не может быть признана удачной. Она не нашла подтверждения в ходе исследований милоградской культуры.

Как же следует представлять отношение друг к другу милоградской и зарубинецкой культур? При исследовании археологических памятников на Гомельщине выяснилось, что милоградские слои лежат в основе культурных наслоений подавляющего большинства зарубинецких городищ, и, наоборот, зарубинецкие наслоения перекрывают почти все милоградские городища (за исключением ранних). Более того, соотношение милоградских и зарубинецких слоев, между которыми не наблюдается никакой стратиграфической границы, и происходящих из них материалов обнаруживает некоторые преемственные связи между ними.

Так, например, при раскопках на Чаплинском и Моховском II городищах, материалы которых частично уже опубликованы, выяснилось, что характерные для милоградских слоев этих городищ типы глиняных пряслиц были широко распространены также и в зарубинецкое время. На Чаплинском городище наметилась планировка поселка, одинаковая для зарубинецкого и милоградского времени: жилища занимали его основную центральную часть, а юго-восточный участок был занят расположенными тесно одна к другой хозяйственными ямами. На Милоградском городище были открыты остатки жилища, содержавшего как милоградский, так и зарубинецкий материал. В то же время представляется очевидным, что милоградская культура в целом совсем не походила на сменившую ее зарубинецкую. Она не может рассматриваться не только в качестве «предка», но и в качестве одного из главных слагаемых зарубинецкой культуры.

Все эти наблюдения свидетельствуют о том, что зарубинецкая культура появилась в Гомельском Поднепровье извне. Но она не только наслоилась при этом на милоградскую, но и распространилась в милоградской среде. Такая картина, по нашему мнению, могла явиться результатом того, что на территории современной Гомельщины пришлое зарубинецкое население в той или иной мере смешалось с местным субстратом, заимствовав от него некоторые элементы культуры, и что зарубинецкая культура была усвоена местным милоградским населением.

Культура юхновских городищ, названная по имени городища у д. Юхново в среднем течении Десны, заметно отличается от милоградской. Городища юхновской культуры обычно очень невелики. Их особенностью являются мощные культурные наслоения, переполненные прослойками золы. Жилища были, по-видимому, наземными: керамика имела плоское дно и примитивную орнаментацию в верхней части. Характерным «этнографическим» признаком юхновской культуры являются загадочные глиняные изделия яйцевидной, округло-цилиндрической, округло-конической и других форм, снабженные отпечатками пальцев или примитивной орнаментацией. Полагают, что они должны быть связаны с культом¹³. Некоторые аналогии к ним можно найти среди материалов, происходящих из среднеднепровских левобережных поселений скифского времени («зольников»), например, из известного Бельского городища под Полтавой¹⁴.

В юхновской культуре имеются и так называемые «рогатые кирпичи» — принадлежность очага, характерная для южных областей. Хозяйство обитателей юхновских городищ имело свои особенности. Наряду с земледелием, скотоводством и охотой они усиленно занимались рыбной ловлей, о чем говорят мощные слои рыбьей чешуи и костей, найденные на некоторых из юхновских городищ. Металлические изделия

¹³ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 68—77.

¹⁴ В. А. Городцов. Результаты раскопок в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 93—161.

известны пока в очень небольшом числе, и на основании их нельзя сделать каких-либо выводов. Здесь встречаются такие же, как в милоградской культуре, бронзовые браслеты, напоминающие гальштатско-латенские формы середины и третьей четверти I тысячелетия до н. э. Верхняя хронологическая граница юхновской культуры была определена М. В. Воеводским как II в. н. э., что, по нашему мнению, правильно.

Ареал распространения юхновских городищ рисуется нам следующим образом. Южной его границей является нижнее течение Десны и далее на восток течение Сейма. К югу от Сейма юхновские городища не встречаются; там начинается область левобережных среднеднепровских племен с так называемой «зольничной» культурой, влияние которой отразилось на культуре многих юхновских городищ, находящихся на Нижней Десне и Сейме. На севере юхновские городища по Десне и ее притокам захватывают район Брянска. Одним из наиболее северных юхновских городищ является исследованное Б. А. Рыбаковым городище «Благовещенская гора» у с. Вшиж, расположенное в 50—60 км выше Брянска¹⁵. Западная и восточная границы юхновской культуры могут быть указаны лишь приблизительно. Они должны проходить на западе по водоразделу Десны и Ипути, а на востоке — по водоразделу Десны и Оки. Распространялась ли юхновская культура далеко на верховья Сейма — остается точно неизвестным.

В статье М. В. Воеводского «Городища Верхней Десны» за юхновскими городищами следовали городища роменской культуры. Хронологический разрыв в 500—600 лет, отделяющий друг от друга эти две культуры, оставался ничем не заполненным. В настоящее время стало известно, что юхновская культура, подобно милоградской, на всей территории ее распространения сменилась зарубинецкой культурой.

Очень важным являются наблюдения, свидетельствующие о том, что отношения между юхновской и зарубинецкой культурами были иными, чем отношения между милоградской и зарубинецкой культурами.

Во-первых, в поречье Средней и Верхней Десны зарубинецкая культура проникла приблизительно лишь через два-два с половиной века после того, как она распространилась на основной милоградской территории. На Десне известны лишь позднезарубинецкие памятники, датируемые позднелатенскими и балтийскими («очковыми») фибулами. Во-вторых, если большинство милоградских городищ имеют зарубинецкие слои, то на юхновских городищах зарубинецкие культурные наслоения встречаются лишь как исключение (Красное Городище и некоторые другие). Зарубинецкая культура на Десне представлена, как правило, не городищами, а остатками открытых поселений с квадратными полуземлянками и большими (длинными) наземными постройками столбовой конструкции.

Таково Почепское селище на Судости, исследованное Ф. М. Заверняевым¹⁶, Синьковское селище, раскопки которого ведет А. К. Амброз, и десятки других зарубинецких поселений, известных сейчас на Средней и Верхней Десне. В материальной культуре зарубинецких поселений поречья Десны юхновские элементы представлены очень слабо. Складывается впечатление, что того тесного контакта между зарубинецким и местным населением, который обнаруживается на территории милоградской культуры, здесь не наблюдалось.

Поречье Десны, занятое зарубинецкими поселениями в первых веках нашей эры, наряду с поречьем Сожа, было основной магистралью зарубинецких племен при их движении в северном направлении. Течение самого Днепра не было такой магистралью. Выше устья Березины оно было

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вшиж. Сб. «По следам древних культур». М., 1953, т. I, стр. 108—110.

¹⁶ Ф. М. Заверняев. Археологические находки возле гор. Почеп. КСИИМК, вып. 53, 1954.

занято в тот период особой группой племен, которая, по-видимому, оказала сопротивление носителям зарубинецкой культуры. Эти племена, занимавшие обширные области на севере от ареала милоградской культуры, известны в археологии по городищам со штрихованной керамикой (глиняной посудой баночных или реберчатых форм, сплошь покрытой грубой штриховкой орнаментального характера). Главные центры этой культуры были расположены не в Поднепровье, а на территории современной Литвы — в бассейне Вилии, на Немане и на побережье многочисленных озер этого края. На востоке культура городищ и поселений со штрихованной керамикой охватывала бассейн Березины и широкой полосой выходила на Днепр на участке Орша — устье Березины. На севере она достигала в ряде мест нижнего и среднего течения Западной Двины. Южные границы городищ со штрихованной керамикой захватывали верхнее течение левых притоков Припяти (Случь, Птич), но непосредственно у Припяти их не имеется; здесь начиналась область милоградских поселений.

В течение последних лет культурой городищ со штрихованной керамикой на территории Белоруссии занимался А. Г. Митрофанов, который определил ее время, дал хронологическую и территориальную классификацию памятников и исследовал характер поселений с их бытовой обстановкой¹⁷. В частности, только после работ А. Г. Митрофанова было окончательно установлено, что на городищах этой культуры встречаются остатки длинных наземных домов, разделенных на отдельные секции. Поселения в виде городищ появились в области культуры штрихованной керамики несколько позже, чем в более южных местах, — в III в. до н. э. Им предшествовали в этих местах неукрепленные поселения с такой же штрихованной посудой, восходящие к эпохам бронзы и неолита.

В южных областях распространения культуры штрихованной керамики и вдоль Днепра она находилась под сильным влиянием милоградской культуры, что сказывалось в формах керамики и составе металлических изделий. В начале нашей эры в этих же областях, особенно на Днепре, в культуре городищ со штрихованной керамикой чувствуется значительное влияние зарубинецкой культуры. Примером может служить материал городища «Барсучья горка» около Могилева¹⁸. В более западных областях «чистая» культура городищ со штрихованной керамикой продолжала существовать вплоть до середины I тысячелетия н. э. Граница «чистой» культуры, по наблюдениям А. Г. Митрофанова, проходила на востоке по течению реки Усяж-Бук и по верхнему течению Друти. Отсюда она поворачивала на юго-запад по среднему течению Березины и нижнему течению Свислочи. Собственно зарубинецкие поселения в пределах ареала культуры штрихованной керамики до сих пор не обнаружены.

Таким образом, если население милоградских городищ в последние века до нашей эры сменилось населением с зарубинецкой культурой, если то же самое при каких-то нескольких иных условиях произошло на Десне, то в области городищ со штрихованной керамикой наблюдалась иная картина. Носители культуры городищ со штрихованной керамикой лишь в юго-восточной части своего ареала попали под влияние зарубинецкой культуры, но и здесь они не утратили своей специфики.

Подобная же картина наблюдалась в первой половине I тысячелетия н. э. в северо-восточной части бассейна Днепра, где находилась область четвертой группы древних верхнеднепровских племен. В ее ареал входили смоленское течение Днепра, верховья Сожа и, по-видимому, верхнее течение Десны выше Брянска, куда, как уже указывалось, юхновская куль-

¹⁷ А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. (Автореферат кандидатской диссертации.) Л., 1955; его же. Городище в Вязьнке. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957; К. М. Поликарпов и ч. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг., Там же, стр. 15—18.

¹⁸ В. Р. Тарасенко. Раскопки на городище «Барсучья горка». КСИИМК, вып. XV, 1947.

тура не распространялась. На севере эта культура доходила до верхнего течения Западной Двины. Восточная граница проходила примерно по водоразделу бассейна Днепра и Оки. Следует, однако, отметить, что культура древних городищ верхнего течения Оки и бассейна Угры была очень близка верхнеднепровской. Возможно, что впоследствии их нужно будет объединить в общие границы.

То, что в области Смоленского Поднепровья имела особая культура городищ, отличающаяся от культуры городищ со штрихованной керамикой, было установлено А. Н. Лявданским. Однако раскопки на этих городищах он почти не производил. В 1955—1959 гг. автором этой статьи было исследовано несколько древних городищ в верховьях Сожа и Десны, где в нижних слоях были открыты культурные остатки второй половины I тысячелетия до н. э.¹⁹ На одном из городищ, находящемся на правом берегу Сожа, около дер. Мокрядино, были сделаны находки только этого времени.

Керамика древнейших городищ верховьев Сожа и Десны оказалась плоскодонной, слабо профилированной и лишенной какой-либо орнаментации. Был найден ряд костяных изделий, напоминающих предметы из городищ дьяковского типа. Что касается металлических изделий, в частности предметов убора и украшений, сделанных из бронзы, то они оказались близко напоминающими милоградские, в частности те, которые можно определить, как гальштатско-латенские (IV — II вв. до н. э.). Жилища обитателей древнейших смоленских городищ были наземными или несколько углубленными в землю, столбовой конструкции.

В первые века нашей эры, когда на Смоленщине появляются отдельные зарубинецкие памятники (например, «поле погребений» у дер. Козичина и селище у д. Спартак, исследованное в 1959 г.), облик культуры на городищах Смоленского Поднепровья значительно меняется за счет распространения там керамики, напоминающей зарубинецкую, и некоторых изделий, например, фибул зарубинецкого типа. Слой с находками этого времени хорошо представлен в раскопках автора на городищах Тушемля и Городок²⁰, а в раскопках А. Н. Лявданского на Лахтевском городище²¹. В культуре городищ сохраняются, однако, и такие местные черты, которые зарубинецким племенам свойственны не были. В частности, наблюдается связь с культурой волго-окских городищ, выразившаяся в бытовании у населения городищ Смоленщины таких характерных волго-окских изделий, как «грузики дьякова типа». Очень интересной является конструкция самих городищ, сходных с литовскими пилькальни-сами. Культура этих городищ дожила на Смоленщине до третьей четверти I тысячелетия н. э.

Почти такие же изменения (но несколько в другие сроки) происходили в бассейне Верхней Оки и на Угре. Во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первых веках нашей эры там была распространена культура, близко напоминающая культуру древнейших смоленских городищ. Ее отличительной чертой была несложная орнаментация глиняной посуды, несколько приближающаяся к южновосточной. Памятники этой культуры впервые были открыты Н. И. Булычевым на городищах у деревень Гремячее и Мужитино. На втором из них был найден бронзовый браслет гальштатско-латенского характера (IV—III вв. до н. э.)²². Ряд таких городищ был исследован на Верхней Оке и Угре за последние годы (Свиногово, нижний слой городища у с. Никола Ленивец и др.)²³.

Во второй четверти I тысячелетия н. э., т. е. на два-три века позже, чем на Десне, в верховьях Оки распространились элементы позднезару-

¹⁹ П. Н. Третьяков. Городища-святилища Левобережной Смоленщины. СА, 1958, № 4, стр. 170—186.

²⁰ Там же, стр. 177—184.

²¹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ.

²² Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

²³ Т. Н. Никольская. Городище у д. Свиногово. КСИИМК, вып. XLIX, 1953.

бинецкой культуры, представленные здесь очень мощной струей. В итоге возникла культура мощинского типа, названная по имени городища у дер. Мощино, исследованного Н. И. Булычевым. Мощинской культуре были свойственны грубая керамика зарубинецких форм, черная или бурая лощеная реберчатая керамика, также связанная с позднезарубинецкой, фибулы с эмалью и др. Но были в этой культуре и своеобразные черты, в частности погребальные сооружения в виде курганов с деревянными камерами, содержащими остатки трупосожжений. Таким образом, в итоге рассмотрения обрисованных выше материалов становится очевидным, что повсеместно на территории Верхнего Поднепровья культура древних городищ либо сменилась зарубинецкой культурой, либо значительно преобразовалась под ее влиянием. Это произошло в разные сроки: в более южных областях около рубежа н. э., в более северных — 2—3 столетия спустя. Более того, следует иметь в виду, что процесс преобразования местных культур под влиянием зарубинецкой протекал и вне границ Верхнего Поднепровья. Нет никакого сомнения в том, что позднедьяковская культура с ее грубой неорнаментированной и черной лощеной керамикой сложилась в условиях тесного контакта с позднезарубинецкой культурой. Более того, влияние зарубинецкой культуры, в частности ее черной лощеной керамики, ощущается далеко на востоке, на Нижней Оке и Волге в могильниках финно-угорских племен.

3

Мысль о принадлежности зарубинецкой культуры ранним восточно-славянским племенам, высказанная впервые В. В. Хвойкой, в настоящее время находит все новые и новые подтверждения²⁴. Приведенные выше данные, обрисовывающие ход распространения зарубинецких племен на север и их мощное культурное воздействие на местные племена, являются еще одним доказательством справедливости этой мысли. Перед нами весьма реальная и правдоподобная картина постепенного движения славян к верховьям Десны и Днепра и связанного с ним длительного, многовекового процесса ассимиляции славянами местного населения.

В этой связи большой интерес приобретает вопрос о том, кем же являлось верхнеднепровское население, оставившее обрисованные выше культуры древних городищ. Общепризнано, что в Верхнем Поднепровье имелись обширные области, где славянам предшествовали балтийские племена. По мнению многих археологов, к балтам принадлежали обитатели городищ со штрихованной керамикой. Центры этой культуры лежали на Немане и Вилии, где штрихованная керамика характеризует нижние слои пилькальнисов — древних литовских городищ своеобразного устройства, тесно связанных со старой литовской культурой, мифологией и фольклором. С территорией городищ со штрихованной керамикой связана характерная балтийская гидронимика. Как мы видели выше, в первой половине I тысячелетия н. э. племена городищ со штрихованной керамикой сохраняли свою специфику. Лишь некоторые из них, обитавшие ближе к Припяти и вдоль Днепра, подверглись влиянию зарубинецкой культуры. В последующее время, в третьей четверти I тысячелетия н. э., на значительной части территории племен штрихованной керамики древние городища исчезают и на их месте распространяются селища и характерные для кривичей длинные курганы, свидетельствующие об успехе в этих местах процесса ассимиляции славянами балтийского населения. Здесь имеется в виду, естественно, лишь та сторона процесса ассимиляции, которая получила отражение в области культуры.

Но племена городищ со штрихованной керамикой не были единствен-

²⁴ П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточно-славянских племен. Доклады IV Международного съезда славистов. М., 1958, стр. 16—22.

ной балтийской группой второй половины I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры. Городищ со штрихованной керамикой нет на земле древних пруссов²⁵. Судя по гидронимике и некоторым археологическим данным, древними балтийцами или родственными им племенами было население городищ Смоленщины²⁶ и верхнего течения Оки с поречьем Угры, культура которого также отличалась от культуры «штриховиков». На Смоленщине, где местное население попало под зарубинецкое влияние начиная с первых веков нашей эры, длинные и круглые славянские курганы с сожжением и сопутствующие им селища пришли на смену балтийским памятникам в VI—VIII вв. В верховьях Оки мощинская культура, сложившаяся под влиянием зарубинецких племен, во второй половине I тысячелетия н. э., постепенно эволюционировала в характерную восточнославянскую культуру, в данном случае — культуру вятичей, вплоть до IX—X вв. сохранявшую курганы с деревянными камерами и некоторые другие мощинские элементы.

Иначе, по-видимому, будет решаться вопрос о носителях милоградской и юхновской культур. Южная граница балтийской гидронимики на правобережье Днепра проходит вдоль левобережья Припяти, в основном совпадая с южной границей городищ со штрихованной керамикой. На Припяти и южнее, на милоградской территории, имеется древняя славянская гидронимика. На Десне ниже Брянска, в области юхновских городищ, характер гидронимики также иной, чем в древних балтийских землях.

Автор настоящей статьи продолжает придерживаться мнения, что в I тысячелетии до н. э. славяне были представлены отнюдь не одной археологической культурой, а группой близких культур, в среде которых на рубеже нашей эры развернулся энергичный процесс культурной и, вероятно, языковой консолидации, приведшей к образованию пшеворской культуры в Повисленье и зарубинецкой — в Поднепровье. Такими же группами культур были представлены в это время и все другие ветви индоевропейцев, в частности балты — наиболее близкая славянам ветвь индоевропейцев, речь о которых шла выше. Весьма возможно при этом, что на славянских окраинах, в области балто-славянского пограничья, имелись своеобразные группы племен переходного характера, специфика которых либо восходила к древнейшей эпохе выделения славян и балтов, либо являлась следствием их многовекового соседства. Таковыми «окраинными» славянами либо в той или иной степени переходными племенами могли быть милоградские и юхновские племена, культура которых, как мы видели выше, сменилась зарубинецкой очень скоро, без процесса медленного перерастания.

В решении этих вопросов главную роль должны сыграть заключения, основанные на лингвистических данных. Как показали материалы состоявшегося недавно IV Международного съезда славистов, по вопросу о балто-славянских отношениях в среде лингвистов представлены две основные точки зрения. Одни исследователи полагают, что обособлению балтийских и славянских языков предшествовал особый, балто-славянский, период и именно этим обстоятельством объясняется близость тех и других языков. Другие отрицают возможность существования балто-славянского языкового периода и рассматривают близость славянских и балтийских языков как результат длительного и тесного контакта или «сообщности» развития, понимаемых разными исследователями неодинаково²⁷. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, полагаем, что при

²⁵ Ф. Д. Гуревич. Древние поселения Калининградской обл. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951.

²⁶ П. Н. Третьяков. Городища-святилища...

²⁷ См. статьи: В. Георгиева (София) «Балто-славский, германский и индо-иранский», В. К. Мэтьюса (Лондон) «О взаимоотношениях славянских и балтийских языков» и С. Б. Бернштейна (Москва) «Балто-славянская языковая сообщность» (Славянская фи-

любом из двух основных решений балто-славянского вопроса высказанная выше мысль о племенах переходного характера (являющаяся отнюдь не нашим изобретением) имеет право на существование.

В настоящее время в Институте славяноведения АН СССР начаты работы по изучению гидронимики Верхнего Поднепровья с учетом ареалов древних дозарубинецких культур. Будем надеяться, что в результате этих работ вопрос об этническом характере милоградской, юхновской и других верхнеднепровских культур приблизится к своему разрешению.

И еще один интересный вопрос хотелось бы затронуть в связи со всем сказанным выше о древних культурах верхнеднепровских городищ, поглощенных в свое время раннеславянской зарубинецкой культурой. Речь идет о том, не имели ли какого-либо отношения к этим культурам древнерусские племенные группы — кривичи, вятичи, северяне и др.

Как известно, на основании письменных источников трудно ответить на вопрос, что представляли собой «племена» Начальной летописи²⁸. Археологи на основании своих материалов приходят к выводу, что кривичи, поляне, древляне и др. — это обширные союзы племен, против чего, по-видимому, трудно что-либо возразить. Но союзы племен — это организации политические, которые вряд ли могли сыграть особенно большую роль в этногоническом процессе. Археологические же данные свидетельствуют, что древнейшие «племена», во всяком случае многие из них, уже с момента своего возникновения имели свои устойчивые культурно-этнические признаки²⁹. Это были союзы близко родственных по культуре племен. О том, что «племена» имели свои обычаи, было известно и автору летописи.

Нам представляется, что при изучении особенностей культуры отдельных древнерусских «племен» (вероятно, далеко не всех, а лишь некоторых) должен учитываться древний местный субстрат, на который наслонилась в свое время зарубинецкая культура. Так, культура вятичей сложилась на основе мощинской культуры, представлявшей собой результат воздействия зарубинецких племен на население верхнеокских городищ, принадлежавшее, вероятно, к балтам. Может быть, именно поэтому в летопись и попало предание о том, что вятичи произошли от ляхов. Культура кривичских длинных курганов и сопутствующих им поселений сложилась не без вклада балтов, носителей культуры штрихованной керамики. Лишь впоследствии кривичи продвинулись далее на север, где раньше в некоторых районах обитали племена с текстильной керамикой. Славяне новгородские, в отличие от кривичей, жили целиком на территории этих последних племен, этнический характер которых до сих пор вызывает споры³⁰. Наконец, нельзя не сопоставить территорию юхновских племен с основной территорией северян. Для тех и других наиболее северным пределом была излучина Десны в районе г. Брянска. Южные границы северян, как и границы «юхновцев», шли первоначально по Нижней Десне и Сейму и лишь впоследствии передвинулись дальше к югу, охватив течение Сулы, Псла и Воркслы.

Таковы некоторые основные вопросы этногонического характера, вставшие в связи с изучением взаимоотношения локальных групп древних верхнеднепровских городищ с зарубинецкой культурой.

лология. Сборник статей, вып. I, М., 1958). См. также «Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)». М., 1958, стр. 152—175.

²⁸ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1958, стр. 218—227.

²⁹ Там же, стр. 228—260.

³⁰ П. Н. Третьяков. Волго-окская топонимика и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья. СЭ, 1958, № 4.